

# КУРСКІЯ ГУБЕРНІЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 1-й.

ВТОРНИКЪ, 3-го ЯНВАРЯ 1889 ГОДА.

№ 1-й.

## ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

### СОДЕРЖАНІЕ:

I. Съ новымъ годомъ!—II. Чествованіе юбилея.—III. Хроника.—IV. Устройство "Богдальни" въ Дмитріевѣ.—V. Извѣстія изъ уѣздовъ.—VI. Внутреннія извѣстія.—VII. Иностранныя вѣсти.—VIII. Кіевъ.—IX. Разныя разности.—X. Объявленія.

### СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новымъ здоровьемъ! Съ послѣднимъ ударомъ часовъ въ полночь съ 31-го декабря на 1-е января обычно раздается это привѣтствіе и радостно торжественно звучитъ оно въ устахъ многихъ миллионовъ людей. Почему однако 1-е января возбуждаетъ въ сердцахъ какія-то бессознательныя надежды, востраивающія на праздничный ладъ? Всякій конечно понимаетъ, что день 1-го января ничѣмъ самъ по себѣ ни лучше, ни хуже любого другого дня, и самъ по себѣ не принесетъ новый годъ, начинающійся у насъ въ этотъ день, ни новаго счастья, ни новаго здоровья. Считали древніе римляне начало новаго года съ 1-го марта, а церковный годъ и понынѣ начинается съ 1-го сентября, т. е. съ того дня, который былъ у насъ днемъ новаго года до Петра Великаго. Давъ нашего новаго года не соответствуетъ и началу года астрономическаго, ибо этотъ послѣдній долженъ начинаться въ одинъ изъ дней равноденствія или солнцестоянія. Такимъ образомъ каждый новый день можно бы считать началомъ и новаго года. И однако, не взирая на эту условность, "новаго года", мы невольно отъ него чего-то ждемъ. Ждемъ, не взирая и на то, что каждый "новый годъ" уноситъ насъ все дальше и дальше отъ дней нашей юности и близитъ все больше и больше къ предѣлу нашего земного... Ждемъ "новаго счастья, новаго здоровья"! Да, въ этихъ ожиданіяхъ, которыя люди ежегодно въ опредѣленный день подзвѣваютъ въ себѣ, есть все-таки смыслъ. Человѣкъ живетъ будущимъ. Настоящее рѣдко удовлетворяетъ его, и то развѣ на мигъ, — и снова новыя желанія, новыя надежды, и снова вновь обращается къ будущему. Но эти желанія обыкновенно не осуществляютъ, но эти надежды зачастую разбиты, и тѣмъ живѣе проносятся въ сердце надежда, и теплится она иной разъ въ сердцѣ какъ едва замѣтная искра, готовая потухнуть, и не гаснущая даже тогда, когда, кажется, нѣтъ мѣста никакой надеждѣ. И вотъ, когда радостно-бодрое настроеніе овладѣваетъ всеми насъ окружающими, когда вокругъ насъ все съ надеждою смотритъ въ неизвѣстное будущее хотя бы лишь потому, что наступило условное 1-е января, невольно отдаешься влеченію потока... Счастливымъ счастьемъ, съ новымъ здоровьемъ!

Съ новымъ-ли?

Почему иногда останавливается контролирующая мысль на вронномъ въ виду будущаго. Сдѣлать это умѣстнѣ всего повидимому съ наступленіемъ новаго года. Въ самомъ дѣлѣ, если мы ждаемъ, чтобы новый годъ принесъ намъ лучшее будущее, то естественно спросить, основательны ли эти желанія, и въ истекшемъ году старались ли мы подготовить условія, необходимыя для осуществленія этого будущаго. Счастье, конечно, конечно, зависитъ иногда отъ случайныхъ причинъ, но столько впрочемъ счастья, сколько благополучіе, но давно уже сказано, что счастье въ насъ самихъ прежде всего. Вотъ почему такъ важно знать самого себя, разобраться въ самомъ себѣ. Но даемъ древній мудрецъ въ основу своего ученія о нравственности и счастья поставилъ принципъ, выраженный этими двумя словами: "Познай самого себя". Познай себя, беретъ за эту трудную, но важную задачу. Мы гораздо болѣе склонны пройтись на счетъ близкаго, умѣемъ грѣшить, думать, а когда насъ призываютъ къ отъ-вѣту, то мы становимся средой или чуждыми, "социальныя условія" жизни. Быть въ

Китай еще въ VI в. до Р. X. мудрецъ Лао-дзэ. Вотъ что между прочимъ гласитъ его устами китайская мудрость: "Знающій другихъ — бокомысленъ, изучившій же потаенныя изгибы своей души — еще мудрѣе. Побѣждающій другихъ — могущественъ, самого себя побѣждающій — еще могущественнѣе". Да, это истинная мудрость, истинное могущество. Но чтобы овладѣть этою истиною, чтобы овладѣть этимъ могуществомъ, нужно кой-что пѣе, что, къ несчастію, встрѣчается крайне рѣдко. Нужны твердые принципы жизни, нуженъ характеръ. Что даетъ намъ взмѣтъ обшественной жизни? Полнѣйшую безпринципность, слабонервную безхарактерность. Первая дѣло главнымъ образомъ полубразованности, "передового" легкомыслія, вторая — дѣло воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе противное, какъ эта спѣсивая и многоязычная полубразованность, — продуктъ, къ сожалѣнію, современной цивилизаціи. Да, именно могущественное развитіе современной науки ослѣпляетъ и подавляетъ неразвитые умы, подошедшіе на сколько-нибудь близкое къ ней разстояніе. Это вовсе не парадоксъ. Въ этой полубразованной толпѣ развивается безыскленное благоговѣніе передъ "наукою", безъ пониманія сущности этой науки, и оно то разрушаетъ основныя принципы жизни. Предметъ, о которомъ мы говоримъ, неоспоримъ. Въ доказаніе приведемъ только одинъ примѣръ. Принципы нравственности могутъ быть прочно основаны только вѣрою въ личнаго Бога и въ загробную жизнь. Никакія философскія соображенія не способны убѣдить въ необходимости руководствоваться началами христианской нравственности, если у насъ нѣтъ упомянутой вѣры. Если нѣтъ этой вѣры, намъ нѣтъ дѣла до близкаго, нѣтъ дѣла до общественаго блага, а тѣмъ болѣе до блага человечества. Всякая философская мотивировка нравственности, не основанная на этой вѣрѣ, должна оказаться построенною на пескѣ. Человѣкъ безъ вѣры можетъ быть нравственнымъ, съ христіанскою точки зрѣнія, но онъ явится нравственнымъ не въ силу философскихъ принциповъ, а по привычкѣ, по воспитанію, потому что онъ живетъ въ христіанской атмосферѣ, потому что христіанскія вѣрованія, которыя онъ теперь отвергаетъ, оцѣнитъ съ молокомъ матери и благодаря этому не въ силахъ быть послѣдовательнымъ атеистомъ до конца. Оттого то атеизмъ и материализмъ и ищутъ такъ настойчиво, чѣмъ бы обосновать нравственность. И конечно, тщетно. Напр. говорятъ, любовь — зигдущее начало міра, и потому мы должны избрать любовь руководящимъ началомъ жизни. Почему должны? Какое мнѣ дѣло до зигдущаго начала міра? Лишь бы мнѣ было хорошо. Но ты долженъ стараться, чтобы всѣмъ было хорошо. Тогда и тебѣ будетъ лучше. Вадоръ. А если я могу устроиться прекрасно не только безъ того, чтобы всѣмъ было хорошо, а съ тѣмъ, чтобы всѣмъ было хуже? Какое мнѣ дѣло до всѣхъ. И вообще какое мнѣ дѣло до высшихъ соображеній, если я случайно попалъ въ міръ, случайно въ немъ пребываю и уйду изъ него безслѣдно для себя. Такъ долженъ разсуждать всякій, для ко-го обязательность нравственныхъ прерываній не основывается на вѣрѣ. Между тѣмъ ничто не подрываетъ такъ вѣры, какъ неосторожная популяризація науки.

Сама по себѣ наука до сихъ поръ не дала ничего, что отвѣтило бы намъ на вѣчные, "про-клатые" вопросы. Проникнуть въ сущность бытія, въ тайну жизни наука не можетъ. Несмотря на то, что во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ остается этотъ X, неразгаданнымъ, даже за-правскіе ученые увлекаются результатами на-учныхъ изслѣдованій до того, что воображаютъ, будто этотъ X раскрыли. Возьмите книгу С. Чернова "Рефлексы головного мозга". Съ на-учной точки зрѣнія эта книга великій вкладъ для объясненія физиологии мозга. Но развѣ объ-

ясненіе, какъ дѣйствуетъ органъ человѣческаго мозга объясняетъ намъ то, что дѣйствуетъ въ этомъ органѣ? Развѣ можно перекинуть черезъ ту безъ... которая отдѣляетъ область матеріи отъ... души? Если бы извѣ забываютъ ученымъ, то какую же смуту въ нетвердые умы должна внести односторон-ная популяризація знаній, которая не только не ведетъ къ тому, что многое понимаетъ толпа неврѣно, ко многому не можетъ отнес-тись критически, многое, выраженное гипоте-тически, принимаетъ какъ догматъ, а вообще съ слѣпою вѣрою относится къ тому, что выходитъ подъ знаменемъ науки. Давъ молодой московскій ученый въ одной москв-ской газетѣ печаталъ фельетонъ: "Что та-кое жизнь", и по своему доказалъ, что жизнь есть движеніе. Если самъ ученый сиюдоволь-но полагаетъ, что дѣлѣ отвѣтъ, все объясня-ющій, то сколько читателей этого фельетона обрадовались тому, что жизнь есть движеніе и больше ничего, а затѣмъ дѣла изъ этого положенія какіе угодно удобны для себя вы-воды? Я и до сихъ поръ не могу забыть тор-жествующаго вида одного моего товарища до гимназіи, который будучи гимназистомъ узна-са, узналъ какъ-то про теорію Дарвина и сооб-щилъ мнѣ таинственно: "а знаешь, теперь уже доказано, что человѣкъ произошелъ отъ обез-ьяны!"

Громальныя успѣхи достигнуты наукою, и все-таки знаменитое изреченіе: "я знаю только то, что ничего не знаю", вѣрно и до сихъ поръ, ибо мы узнаемъ многое, очень многое, что по-магаютъ намъ овладѣть природою, до безконеч-ности увеличить комфортъ нашей жизни, и все-таки мы не знаемъ ничего, что могло бы рас-крыть намъ вѣчную тайну міроизданія и чело-вѣка. Между тѣмъ подъ влияніемъ чрезвычай-ныхъ успѣховъ культуры, которыми она обяза-на наукѣ, съ одной стороны, — подъ влияніемъ шаткости нравственныхъ принциповъ, распро-страняющейся съ ужасомъ быстротою сре-ди полубразованной толпы, съ другой сто-роны, меркнутъ идеальныя стремленія чело-вѣка, а взмѣтъ того — мысль о матеріальныхъ благахъ къ жизни, жажда комфорта, а слѣд. и денегъ, становится главнымъ и въ общемъ единственнымъ двигателемъ жизни. Молодое поколѣніе возрастаетъ, пропитываясь этими ма-теріальными стремленіями вѣка, и вотъ масса людей — безпринципныхъ. Промотрите вокругъ себя. Долго ли вамъ искать людей, которые се-годня сжигаютъ то, чему поклонялись вчера, а завтра сожгутъ и то, чему поклонились се-годня? Одинъ кумиръ прочно стоитъ на мѣстѣ — деньги и, пожалуй, карты, замѣнявшіе все-кіе идеалы.

Мы много и долго учимъ своихъ дѣтей го-раздо больше и дольше, чѣмъ сколько учили въ старое время. Теперь не рѣдко, а обща-ное явленіе, что сидятъ на школьной скамьѣ ученики въ такомъ возрастѣ, въ которомъ на-ши отцы и дѣды, а быть можетъ и мы сами несли уже обязанности гражданина. Научаю-тся ли однако наши дѣти тому уваженію къ зна-нію, которое ведетъ къ осторожности въ вы-водахъ и къ жаднѣ изслѣдованія безъ предѣ-ловъ заключеній скороспѣлыхъ сужденій, ко-торое научаетъ серьезно относиться къ чуждымъ мнѣніямъ и не увлекаться мажорнымъ блескомъ научнаго самовнѣнія.

Еще болѣе опасный врагъ нашей жизни без-характерность, малодушіе. Многими условіями нашей жизни объясняется это явленіе. Самая безпринципность родная сестра безхарактер-ности. Не можетъ быть тамъ характера гдѣ нѣтъ прочности, твердыхъ убѣжденій, а есть только жажда комфорта. Всего болѣе, однако, порождаетъ безхарактерныхъ, слабонервныхъ безъ выдержки людей домашнее воспитаніе. Тестомъ воспитательныхъ приемовъ стараго времени вызвала наконецъ реакцію. Стали про-повѣдывать необходимость гуманнаго воспита-нія Въ 60-хъ годахъ въ особенности много бы-ло пушено въ оборотъ новыхъ гуманных пе-